Гоблин усмехнулся: "Это не имеет значения, но не для того, чтобы ты мог претендовать на это".

"Я хочу, чтобы Сириус Блэк и его крестник, Гарри Поттер, продолжали иметь доступ к семейному хранилищу Блэков".

"Нерегулируемый?" - спросил гоблин.

"Да, но если Сириус случайно попытается перенести все в другое хранилище, я хотел бы быть в курсе".

"Я также хотел бы претендовать на титул лорда Блэка".

Гоблин поднял бровь: "Мистер Блэк, вы займете место, которое в настоящее время занимает лорд Люциус Малфой, который владеет Домом Блэков благодаря своему браку".

Гарри улыбнулся: "Отлично. И еще, есть ли еще какая-нибудь недвижимость на счету?"

"Номер 12 по Гриммаулд-плейс", - сказал гоблин, глядя в список имущества.

"Я хочу, чтобы это было вычеркнуто из записей, физический документ останется в хранилище, недоступный никому, кроме Сириуса Блэка или меня, если только мы оба не умрем, и в этом случае мистер Поттер сможет получить к нему доступ, если понадобится".

"Это тебе дорого обойдется", - усмехнулся гоблин.

Гарри бросил ему три галеона, ведь он не путешествовал в прошлое без ничего: "Один - за работу, два - за молчание, три - за авансовую взятку, если нарушишь это доверие из трех - позор тебе".

Луна научила его этому, и гоблин хмыкнул, но без лишних слов убрал золото в карман: "Будет сделано, мистер Блэк".

"Кто-нибудь еще?"

"Беллатриса Лестрейндж, урожденная Блэк, владела квартирой, которую она покинула после замужества, но она была куплена и передана в собственность Ориону Блэку, твоему отцу".

Гарри резко вдохнул.

Это бы сработало и для неё!

Гарри не любил игнорировать знаки в своей жизни, а этот кричал, что нужно спасать Беллатрису Лестрейндж.

Мерлин, помилуй его.

Но в данный момент, когда Волдеморт был на свободе, у Гарри было два варианта: добраться до неё раньше Тёмного Лорда или убить её позже.

Гарри помнил, как сильно Беллатрикс была похожа на Андромеду, и как бы он ни был зол на нее, он не мог убить ее двойника, когда у него были средства и шанс спасти ее.

Гермиона была абсолютно права, он действительно умел спасать людей.

"Ну что ж, - сказал Гарри, - теперь он больше не будет свободен. Какой номер?"

"1119 Knockturn Alley, хотя его окна выходят на Diagon Alley".

"Вот это да", - проворчал Гарри, а потом спросил: "А перстень тоже все еще в хранилище?"

"Да".

"Хорошо", - сказал Гарри, - "очень хорошо".

И, вероятно, очень плохо для всех остальных.

Кингсли Шеклболт был уверен, что Волшебный мир взорвется.

Он не был уверен, что люди поверили бы в то, что Волдеморт, Темный Лорд, Тот, Кто Не Должен Быть Назван, Сами Знаете Кто, вернулся, но после месяца отсутствия Гарри Поттера... что ж.

Слухи разрастались, имя Гарри Поттера было у всех на устах, а Сириус Блэк - тенью в кошмарах.

Однако во всем этом хаосе забрезжил свет.

Таинственный человек, который прибыл на Тривизардный турнир и безошибочно обвинил Муди Аластора в самозванстве, а также передал Невиллу Лонгботтому рецепт зелья.

Рецепт, который сварил мастер зелий Северус Снейп, проанализировали несколько человек, и

в итоге рецепт был одобрен для передачи Фрэнку и Алисе Лонгботтом, двум аврорам, которых Кингсли обучал вместе с Аластором.

Произошло чудо, и два давно оплакиваемых аврора начали выздоравливать и восстанавливать свои силы.

Кингсли присутствовал при том, как Алиса впервые назвала своего сына по имени.

Невилл и его бабушка открыто плакали.

Кингсли же проливал слёзы наедине с собой.

Кем бы ни был этот странный человек, предположительно похожий на Джеймса Поттера, он был героем.

Но никто не мог найти его - ни он, ни Сириус, ни Гарри Поттер, ни якобы воскресший Тот, Кого Нельзя Называть.

Кингсли вздохнул, желая быть на свободе, делать свою работу, а не в суде, слушая очередной бесполезный брифинг о британской безопасности.

Амелия отозвалась рядом с ним, и они обменялись взглядами.

Этот взгляд говорил: "Повысьте уровень умных авроров и позвольте нам возглавить наш отдел, проблемы решены".

Вместо этого в "Визенгомате" продолжалась беседа: одни по праву заслужили свои места, другие по ошибке унаследовали их.

Но как раз в тот момент, когда Кингсли раздумывал над тем, как ответить на "срочный сигнал тревоги", в двери вошёл Джеймс Поттер.

Все замерли, Фадж прервался на полуслове.

Кингсли потребовалось мгновение, чтобы разглядеть сходство.

Это был не Джеймс.

Во-первых, он был старше Джеймса, если бы тот был жив, что было заметно по серебристо-белым полоскам в его черных волосах. А еще у него были голубые глаза, и он не носил очков. Чем дольше Кингсли смотрел на него, тем больше изменений замечал: он был выше Джеймса,

его мантии обтягивали более худую фигуру с широкими плечами, и он стоял как человек, выросший не в привилегиях, а на войне.

Кингсли не был уверен, почему именно так думает, возможно, он просто знал слишком много ветеранов, а возможно, и слишком много "молодых лордов", с которыми его можно сравнить.

Фадж наклонился вперед над своим подиумом, дерево заскрипело: "Кто вы?"

Мужчина улыбнулся, ничуть не смутившись: "Лорд Харрис Магнолия Блэк, старший сын Ориона Блэка, и я пришел занять свое место при дворе".

Кингсли полагал, что это был месяц скандалов и сюрпризов, потому что стражи этой комнаты - закрытого зала заседаний, существовавшего еще до появления Министерства магии, - не пропустили бы в нее никого, кто не был бы членом суда, без специального приглашения, одобренного всеми сидящими членами, как и статус самого Кингсли.

А это означало...

Мистер Харрис Блэк подошёл к креслам Визагомата и, точно определив место, предназначенное для него, стал законным наследником Дома Блэк. Мужчина с ухмылкой посмотрел на Люциуса Малфоя, который сидел, выпрямившись, на месте, которое было предоставлено ему только из-за его семейного положения с единственным Блэком, не сосланным и не заключенным в тюрьму.

Мистер Блэк вскинул темную бровь на блондина: "Встань с моего места, красавчик".

Никто не проронил ни слова.

Люциус Малфой уставился на человека, узурпировавшего его привилегии, которые, если Люциус наживет себе врага в первом же разговоре, плохо отразятся на нем и его положении в других чистокровных семьях.

Если глава Дома Блэк вернулся в общество, их всех ждали перемены, к добру или к худу.

Люциус молча встал и, едва заметно наклонив голову, освободил свое место.

Мистер Блэк подождал, пока Люциус сойдет с платформы, и только после этого занял свое место.

Когда Малфой был уже на полпути к двери, Блэк окликнул его: "А Люциус?".

Люциус замер, а когда Блэк замолчал, Люциус обернулся, чтобы спросить: "Да, мистер Блэк?".

"Передавай привет своей жене от меня, хорошо?" Блэк спросил, в его голосе прозвучало что-то темное и дразнящее: "Мне бы очень хотелось с ней встретиться".

На бледных щеках Люциуса вспыхнул жар, и он, взмахнув бледными волосами и темной тканью, на каблуках направился к выходу.

Кингсли еще раз переглянулся с Амелией.

Кингсли был уверен, что Харрис Магнолия Блэк - это тот человек, которого описывали Альбус Дамблдор и Невилл Лонгботтом, который дал Невиллу лекарство Белладонны и который, очевидно, ускакал на спине Сфинкса с Последнего задания.

Он стал героем Лонгботтомов и авроров.

А также новым главным подозреваемым в деле о пропавшем Гарри Поттере.

Кингсли беспокоило последнее замечание: либо у мистера Блэка странное чувство юмора, либо он угрожал Люциусу и его жене, либо, поскольку они были кузенами, Кингсли не хотел думать, что это самый очевидный подтекст, что мистер Блэк делал предложение Нарциссе Малфой через её мужа.

Поскольку Харрис Магнолия была Блэком, не было абсолютно никакой возможности быть уверенным.

Возможно, это были все три варианта.

Кингсли вздохнул: по крайней мере, сегодняшняя встреча стала интересной.

http://tl.rulate.ru/book/103415/3599276